

«Мягкая сила» и «цветные революции»

Наумов А.О.,

кандидат исторических наук,
доцент факультета государственного управления
Московского государственного университета имени М.В. Ломоносова
E-mail: anaoumov@mail.ru

Аннотация. Тема «цветных революций» стала в последние годы чрезвычайно актуальной в общественно-политическом дискурсе России. Данная статья посвящена вопросам трансформации политических режимов в Сербии, Грузии, Украине, Киргизии, Тунисе и Египте в 2000–2014 гг. Основной акцент сделан на анализе западных технологий «мягкой силы» и ненасильственной борьбы в «цветных революциях». Автор считает, что «революционеры» оказались неспособны сформировать стабильные демократические режимы, а внутри- и внешнеполитические последствия данных событий не оправдали ожидания народов этих стран.

Ключевые слова: мягкая сила, «цветные революции», ненасильственная борьба, мировая политика, международные отношения, Сербия, Грузия, Украина, Киргизия, Тунис, Египет, США.

«Мягкая сила» — это способность достигать целей на внешнеполитической арене путем убеждения и привлечения симпатий других акторов. Это особый тип внешнеполитической деятельности, связанный с распространением влияния одного государства на другие через средства массовой коммуникации, популярную и высокую культуру, предоставление услуг образования, благоприятную экономическую среду, распространение привлекательных гуманитарных и политических идеалов, собственной оригинальной системы ценностей, которую хотели бы импортировать другие субъекты международных отношений. «Мягкая сила» предусматривает продвижение интересов государства путем убеждения и привлечения симпатий к своей стране, основываясь на ее ценностях, достижениях в культуре и интеллектуальной сфере.

Различные технологии и инструменты, обобщенно обозначаемые как «мягкая сила», уходят своими корнями в тысячелетия человеческого опыта. Идея использования несиловых инструментов для достижения результатов в политике не нова; ее глубинные истоки можно проследить еще в социально-философских воззрениях древности. И на протяжении человеческой истории «мягкая сила» не раз оказывала существенное воздействие на ход мировых процессов.

В новейшей истории концепция «мягкой силы» нашла широкое и наиболее утилитарное применение в американской политике в годы «холодной войны», а также в период администрации президента Б. Клинтона. На уровне политологической концепции эта стратегия была впервые четко осмыслена, сформулирована и актуализирована в 1990 г. одним из наиболее известных специалистов по проблемам международных отношений в США Джозефом Наем-мл. «Мягкую силу» Най определил как «способность добиваться желаемого на основе добровольного участия союзников, а не с помощью принужде-

ния или подачек». Особое внимание он обращал на то, что в нынешнюю эпоху информационной революции фактор привлекательности той или другой страны имеет гораздо большее значение, чем раньше¹.

На современном этапе «мягкая сила» становится одним из ключевых факторов влияния государств на мировую политику. Как справедливо заметил экс-глава Россотрудничества, а ныне председатель Комитета Совета Федерации по международным делам К.И. Косачев, «XXI век — эпоха инструментария “мягкой силы”, и в выигрыше будет тот, кто им овладел раньше и лучше других»². Особую актуальность использование ресурсов и инструментов «мягкой силы» приобретает на фоне изобретения новых способов, методов и технологий информационно-психологического воздействия на международное сообщество, мировые элиты, национальные правительства и целые общества.

«Мягкая сила» уже оказала существенное влияние на развитие международных процессов и ход мировой истории, особенно в последние четверть века. Она сыграла важнейшую роль в крушении СССР, а затем породила концепции «демократических интервенций», «ответственности по защите» и «человеческой безопасности», стала ядром сценария «цветных революций»³ и «арабской весны». Целый ряд государств активно использует «мягкую силу» в интересах собственной внешней политики и транслирования своих ценностей другим акторам международных отношений.

¹ См.: Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 8. P. 153–168.

² Косачев К.И. России нужны новые подходы к «мягкой силе». URL: <http://www.rg.ru/2012/03/01/kosachev-site.html>.

³ Термин «революция» здесь и далее берется в кавычки, так как между «цветными революциями» начала XXI в. и «классическими» революциями Нового времени лежит настоящая пропасть, однако анализ данного вопроса не входит в контекст работы, так как требует отдельного полноценного исследования.

Как справедливо заметил отечественный исследователь Г.Ю. Филимонов, «мягкую силу» как направление внешнеполитической деятельности государства необходимо рассматривать в фокусе глобальных социально-политических, экономических и культурных процессов, формирующих новую, в корне отличную от предыдущих систему мировой политики, где классические иерархические модели взаимоотношений между политическими акторами начинают уступать место сетевым структурам. Необходимо учитывать контекст новых реалий мироустройства, проводя анализ актуальных инновационных механизмов реализации «мягкой силы» (сетевые принципы, социальные сети и блогосфера, в том числе как двигатель революций, информационные и кибервойны, ненасильственное сопротивление, правозащитные концепции и т.д.)⁴.

В современной науке существует немало трактовок природы «мягкой силы» и последствий применения основанных на ней технологий на международной арене. Только в отечественной историографии существует целый ряд подходов к интерпретации этого феномена: силовой, инструментальный, технологический, конструктивистский, ресурсный, коммуникативный, манипулятивный и др.⁵ В данном исследовании за основу берутся подходы, основанные на принципах реализма, ведь как писал основоположник концепции Д. Най, между реализмом и «мягкой силой» нет никакого противоречия, и только упрощенная и урезанная версия реализма

может игнорировать значение «мягкой силы», относя ее исключительно к форме идеализма или либерализма⁶.

В Концепции внешней политики РФ от 2013 г. «мягкая сила» рассматривается именно как инструмент реализации внешнеполитических интересов государства, в основе которого лежит взаимодействие гуманитарных ресурсов страны⁷. Исходя из этого постулата, «мягкую силу» вполне можно рассматривать как совокупность гуманитарных ресурсов государства, которые при помощи набора определенных политических технологий реализуются для достижения определенных целей на мировой арене.

На вопросе использования гуманитарных технологий в рамках стратегии «мягкой силы» следует остановиться подробнее. По справедливому мнению отечественных исследователей П.В. Клачкова и С.А. Подъяпольского, гуманитарные технологии используют «мягкую силу» в качестве ресурса, обеспечивая в то же время ее расширенное воспроизводство⁸. По мнению другого российского специалиста О.Ф. Русаковой, «мягкая сила» активизирует стереотипы общественного восприятия, приводя в действие архетипичные образы и коллективные представления. Она использует психологически привлекательные для субъекта инструменты влияния в целях «незаметного переформатирования в нужном направлении его ментальных структур», что «позволяет без усилий прямого и жесткого давления тонко и гибко осуществлять воздействие на ментальные структуры массового сознания — общественные представления, предпочтения, увлечения, развлечения, удовольствия, переживания, мечты, идеалы, грезы»⁹. Е.П. Панова отмечает, что сущность «мягкой силы» заключается «в способности изменить систему социокультурных фильтров и “матрицу убеждений”, составляющих целостность субъективного восприятия объекта, по отношению к которому применяется данный тип воздействия»¹⁰. Ю.А. Ермаков и вовсе ставит знак равенства между понятиями «мягкая сила» и «манипуляция»¹¹. При этом «мягкая сила» это не просто совокупность ресурсов и инструментов их трансляции во внешний мир, но и проектируемый результат их реализации¹².

Вообще, практику применения «мягкой силы» в зависимости от целей ее реализации,

⁴ См.: Филимонов Г.Ю. Актуальные вопросы формирования стратегии «мягкой силы» во внешней политике Российской Федерации. URL: <http://www.georgefilimonov.com/articles/important-issues-of-soft-power-strategy-in-the-foreign-policy-of-the-russian-federation>.

⁵ См.: Астахов Е.М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «мягкой силы» // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 45–53; Давыдов Ю.И. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 69–80; Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4. С. 91–97; Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135–137; Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–26. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 173–192; Ермаков Ю.А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119. № 4. С. 215–225; Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111; Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 22–29; Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель–Observer. 2014. № 3. С. 80–89; Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 14–20; Soft Power: теория, ресурсы, дискурс / под ред. О.Ф. Русаковой. Екатеринбург: Дискурс-Пи, 2015.

⁶ См.: Най Д. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. С. 150.

⁷ Концепция внешней политики РФ. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDEDBF7DA644257B160051BF7E.

⁸ См.: Клачков П.В., Подъяпольский С.А. Гуманитарные технологии и целостность государства. М.: Ленанд, 2014. С. 119.

⁹ Русакова О.Ф. Указ. соч. С. 190.

¹⁰ Панова Е.П. Указ. соч. С. 95.

¹¹ См.: Ермаков Ю.А. Указ. соч. С. 221.

¹² См.: Леонова О.Г. Указ. соч. С. 88.

содержания и направленности применяемых технологий целесообразно разделить на два вида. В первом случае «мягкую силу» можно рассмотреть как позитивную технологию, позволяющую улучшать взаимопонимание между государствами и народами, как средство, способствующее культурному взаимообогащению, как политику продвижения национальных интересов без сопряжения с агрессивными разрушительными действиями в отношении других акторов и навязывания собственных ценностей в качестве универсальных. В этом случае внешнеполитический курс государства следует характеризовать как миролюбивую политику, которая уважает ценности различия между странами, старается учитывать не только свои узко национальные интересы, но и интересы других участников мирового сообщества.

Но существует и другой вариант, когда «мягкая сила» применяется как орудие дестабилизации государственного управления и государства в целом, как инструмент неконституционной смены власти, нанесения необратимого фатального ущерба социальному порядку государства, разрушения государства или превращения его в несостоятельное¹³. В данном случае государства — объекты воздействия такой «мягкой силы» вполне справедливо воспринимают ее в качестве «жесткой силы», мало чем отличающейся от вооруженной интервенции или экономической войны. По сути, речь идет об использовании технологий «мягкой силы» для подрыва государственного и социального устройства другой страны с помощью скрытого влияния на происходящие в этом государстве процессы, навязывание определенных стереотипов в общественном сознании для достижения конкретных своекорыстных целей и задач. Такая «мягкая сила» содержит в основе своей технологии информационно-психологического воздействия на массовое сознание и поведение, применяющиеся в мировой политике в двух основных организационных формах: в форме информационно-психологической войны и в виде специальных психологических операций¹⁴.

В таком случае, по справедливому мнению отечественного дипломата А.В. Демидова, стратегия «мягкой силы» заключается в том, чтобы поразить системы государственного и внешнеполитического управления «страны-жертвы», парализовать экономическую активность, дестабилизировать социальную и духовную жизнь страны¹⁵. Весьма оригинальную трактовку поня-

тию «мягкая сила» в этой связи дает С. Хелемендик: «Это не мягкая сила. И тем более не мягкая власть. Это американская технология взятия власти в чужой стране и ее передачи нужным в данный момент людям. Технология переворотов. Технология ненасильственная»¹⁶. Характерно, что в своей последней работе Най также подчеркивает, что, как и любая другая форма власти, «мягкая сила» может обращаться как во благо, так и использоваться с плохими целями. «Выкручивание мозгов, — пишет Най, — отнюдь не лучше выкручивания рук»¹⁷.

В данном контексте уместно привести выдержку из новой концепции внешней политики РФ: «усиление глобальной конкуренции и накопление кризисного потенциала ведут к рискам подчас деструктивного и противоправного использования “мягкой силы” и правозащитных концепций в целях оказания политического давления на суверенные государства, вмешательства в их внутренние дела, дестабилизации там обстановки, манипулирования общественным мнением и сознанием, в том числе в рамках финансирования гуманитарных проектов и проектов, связанных с защитой прав человека, за рубежом»¹⁸.

На протяжении последних десятилетий безоговорочным лидером в реализации политики «мягкой силы» являлись Соединенные Штаты Америки. Сегодня в Китае, России и ряде других «поднимающихся» держав формируются собственные подходы и форматы использования «мягкой силы», которые заметно отличаются от классических американских и в целом англосаксонских концепций и воззрений. Однако США все еще самым активным образом продолжают использовать превосходство в технологиях «мягкой силы» для проведения в жизнь собственных национальных интересов и реализации проектов в рамках геополитической инженерии. Особое значение в этой связи имеет стратегия ненасильственной смены политических режимов, которая с начала нового тысячелетия активно реализуется официальным Вашингтоном и его союзниками.

***

В ходе «цветных революций», произошедших в ряде стран постсоциалистического пространства и арабского Магриба в начале XXI в. («бульдозерная революция» в Сербии, «революция роз» в Грузии, «оранжевая революция» и Евромайдан на Украине, «тюльпановая революция»

¹³ См.: Понкин И.В. Указ. соч. С. 96–97.

¹⁴ См.: Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. 2015. Вып. 48. С. 194.

¹⁵ См.: Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 88.

¹⁶ Хелемендик С. Soft Power — мягкая сила «made in USA». URL: <http://oko-planet.su/politik/politikdiscussions/109208-sergey-helemendik-soft-power-myagkaya-sila-made-in-usa.html>.

¹⁷ Най Д. Будущее власти. С.148.

¹⁸ Концепция внешней политики РФ. Утверждена Президентом РФ В.В. Путиным 12.02.2013. URL: http://www.mid.ru/brp_4.nsf/0/6D84DDEDED7DA644257B160051BF7F.

в Киргизии, «жасминовая революции» в Тунисе и «революция 25 января» в Египте), была реализована именно такая политическая технология. Она последовательно, с незначительными доработками применялась в 2000–2014 гг. в указанных выше странах, и во всех этих событиях был использован целый арсенал универсальных «революционных» инструментов, методик и технологий, так или иначе связанных со стратегией «мягкой силы» (на более позднем этапе и «умной силы»). Отличительной их чертой стал в целом ненасильственный характер.

Главным теоретиком ненасильственной борьбы против «диктаторских режимов» является американский ученый, основатель института Альберта Эйнштейна Д. Шарп. Наряду с его трехтомным трудом «Политика ненасильственных действий»¹⁹, большой интерес представляет брошюра «От диктатуры к демократии»²⁰. Данная работа позиционируется сегодня как практическое пособие по ненасильственному свержению авторитарных режимов. Основные идеи этой книги активно воплощались в жизнь оппозиционерами в ходе «цветных революций».

Шарп и его последователи (в первую очередь отставной американский полковник Р.Л. Хелви, а также его более юные «коллеги» из числа лидеров местных молодежных протестных движений, например, сербского «Отпора») пошли по пути универсализации и инструментализации учения о ненасильственной борьбе, разработанной еще М. Ганди. Они, по сути, довели эту доктрину до уровня технологии. В их работах детально изложена технология осуществления ненасильственной смены политических (диктаторских, по мнению Шарпа) режимов с использованием самых простых методов. По утверждению Шарпа, термин «ненасильственная борьба» призван отграничить ненасильственную борьбу от пацифизма и морального или религиозного «непротивления». Речь идет о намеренном вызове власти, отказе от повиновения. Эта технология применяется в политической сфере, целью ее является политическая власть. Термин используется, чтобы обозначить действия, помогающие перехватить у диктатуры контроль над государственными институтами.

Американский политолог подчеркивал необходимость инициативно-наступательных действий в ходе политического протеста и недопустимость политического диалога и уступок со стороны протестующих правящим режимам. Шарпом были разработаны 198 методов разностороннего ненасильственного политического протеста, которые он делил на 5 крупных

блоков: методы ненасильственного протеста и убеждения, методы отказа от социального сотрудничества, методы отказа от экономического сотрудничества, методы отказа от политического сотрудничества, методы ненасильственного вмешательства. Эти блоки, в свою очередь, делятся на группы, в каждой из которых насчитывается от 1 до 30 пунктов²¹.

По мнению Шарпа, политический успех достигается не выбором одного из множества методов борьбы, а комбинированным и гибким сочетанием разнообразных методов воздействия. Ключевым элементом стратегии «ненасильственных действий» выступает стремление лишить «неудобную» власть политической опоры в виде полиции, спецслужб, армии, аппарата управления. Именно необходимость разрушения веры в «недемократический режим» открывает возможность «смены власти». По мнению Р. Хелви, чтобы снизить эффективность репрессий, стратеги «ненасильственных действий» прежде всего стремятся переманить на свою сторону силовиков и иных должностных лиц, воздействовать на которых следует через их друзей и родственников, доводя до них мысль, что оппозиция не рассматривает стражей порядка как врагов, если те готовы содействовать сопротивлению²².

Р. Хелви пишет: «Военная победа достигается разрушением потенциала оппонента и (или) его воли продолжать бой. В этом отношении ненасильственная стратегия отличается от вооруженного конфликта лишь тем, что применяются совсем другие системы вооружения <...> Так же, как артиллерия изменила природу войны во времена Макиавелли, технология дала нам возможности изменить способ ведения ненасильственных конфликтов. Компьютеры, доступ в Интернет, мобильные и спутниковые телефоны, программы шифрования, телевидение и радио — главные орудия ненасильственной борьбы»²³.

Сам Шарп называет свою стратегию «политическим джиу-джитсу», борьбой, использующей силу противника против него самого. Речь идет об особом процессе, «который может осуществляться в ходе ненасильственной борьбы, меняя баланс сил. Негативные реакции на насильственные репрессии против ненасильственно сопротивляющихся граждан политически оборачиваются против оппонентов, ослабляя их властные позиции и усиливая ненасильственное сопротивление. Это может сработать, только когда насилие встречает лишь ненасиль-

²¹ Там же. С. 101–110.

²² См.: Helvey R.L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. Boston, 2004. P. 10, 34.

²³ Ibid. P. xi, 89.

¹⁹ Sharp G. The Politics of Nonviolent Action. Boston, 1973.

²⁰ Шарп Д. От диктатуры к демократии. Екатеринбург: Нов. изд-во, 2005.

ственное неповиновение, а не насилие и не отказ от борьбы»²⁴.

Однако Шарп подчеркивает, что в некоторых случаях ограниченное насилие против диктатуры может оказаться неизбежным. Гнев и ненависть к режиму могут привести к взрыву насилия. Кроме того, некоторые группы могут не согласиться остановить насильственные действия, хотя и признают важную роль ненасильственной борьбы. В таких случаях нет необходимости отказываться от политического неповиновения. Однако требуется как можно дальше развести насильственные действия и ненасильственные²⁵.

Методология ненасильственного сопротивления Шарпа и его последователей оказалась крайне эффективной. Секрет успеха кроется, на наш взгляд, в том, что эта стратегия, с одной стороны, является типичным воплощением «мягкой силы», а с другой — при определенных условиях позволяет умело сочетать инструменты «мягкой силы» с механизмами традиционной, «жесткой силы», то есть реализовывать технологии «умной силы». Именно на основе данного теоретического фундамента в США еще в 1970-е гг. был разработан и воплощен в жизнь целый ряд государственных переворотов в зарубежных странах. В начале XXI в. эта теория, модернизированная и модифицированная с учетом требований времени, была апробирована на практике в ходе «цветных революций» — от «бульдозерной революции» в Сербии в 2000 г. до Евромайдана на Украине на рубеже 2013–2014 гг.

***

Как и любое геополитическое явление, «цветные революции» имеют достаточно сложный и многомерный характер, обладая при этом набором определенных характерных признаков. В первую очередь следует заметить, что существуют как объективные, так и субъективные причины и предпосылки этих «революций».

Одной из важных причин возникновения протестного движения в рассматриваемых странах стали социально-экономические проблемы. Если говорить о политических причинах и предпосылках «цветных революций», то главной из них, пожалуй, стала нестабильность политических систем этих государств и сопутствующий этому явлению раскол элит. Среди других причин, приведших к «цветным революциям», следует назвать отсутствие общей идеологии и регионализм. Нельзя забывать и про национально-религиозные и клановые противоречия. Первые стали причинами противостояния на Украине, а вторые сыграли важную роль в на-

чале «революций» в Киргизии, Грузии, Тунисе и Египте.

Таким образом, необходимое условие осуществления «цветной революции» — наличие социально-экономической и политической нестабильности в стране, сопровождающейся кризисом действующей власти. Безнадежность, отсутствие перспективы, «усталость терпеть» — вот основной двигатель протестного движения. Как очень точно подметила О.Ф. Волочаева, власть в этих странах сама на протяжении долгого периода времени собирала «хворост для костров оппозиции»²⁶. Социальной основой протестных движений всех «цветных» революций стала наиболее активная часть общества — молодежь и средний класс. Именно большое количество представителей среднего класса и молодежи, недовольные своим экономическим и политическим положением, дали этим бунтам питательную базу.

Однако не менее важную роль играет и внешний, субъективный фактор. Так, очень значительную роль в начале «цветных революций» сыграли появление и распространение из-за рубежа программ по продвижению демократии. Это позволяет некоторым экспертам говорить о том, что «цветные революции» — это технологии, успешно маскирующиеся под стихийные процессы, отличающиеся почти театральным уровнем драматургии, который западные политологи старательно пытаются выдать за самопроизвольное и стихийное проявление воли народа, внезапно решившего вернуть себе право управлять собственной страной²⁷. В основе сценария «цветной революции» лежит североамериканская идеология демократизации, предполагающая экспорт демократии, демократических институтов и ценностей в сопредельные страны²⁸. На наш взгляд, именно технологии «мягкой силы» США и их союзников, обрушившиеся на Сербию, Грузию, Украину, Киргизию, Тунис и Египет, и стали ключевыми причинами и одновременно инструментами государственных переворотов, осуществленных в указанных странах.

Во всех «цветных» революциях, к которым относятся и события «арабской весны», обнаруживается один тот же принцип действий, последовательность технологий и механизм протестных выступлений. По мнению исследователей вопро-

²⁶ Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 85.

²⁷ См.: Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: РУДН, 2015. С. 414.

²⁸ См.: Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. P. 305–329.

²⁴ Sharp G. There Are Realistic Alternatives. Boston, 2003. P. 36.

²⁵ См.: Шарп Д. Указ. соч. С. 46.

са, эти события имеют определенную запрограммированную технологию. Отмечаются и особый внешнеполитический почерк, и отличительный стиль работы Запада, и строгое соответствие плана любой революции определенному сценарию, и то, каким образом организуется и как используется молодежное протестное движение, которым управляют с помощью технологий рефлексивного управления, указывается на определенные повторяющиеся особенности в подборе и выдвижении революционных лидеров. Наконец, нельзя не согласиться с тем, что в «цветных революциях» начисто отсутствует истинная революционная идеология²⁹.

Ход и развитие «цветных революций» и «арабской весны» действительно повторяют друг друга, часто вплоть до деталей. Так, события в Египте в начале 2011 г. сильно напоминали «оранжевую революцию» 2004 г. и Евромайдан 2013 г. на Украине. Как и на майдане Незалежности в Киеве, египетские протестующие создали палаточный городок на площади Тахрир в центре Каира. Именно там, где проходили митинги, протестующие организованно снабжались населением и общественными организациями водой, пищей, одеждой, одеялами и медикаментами³⁰. Такие аналогии можно проводить и далее, но главное заключается в том, что все эти события имеют общий алгоритм действий.

Практические все «революции» прошли в своем развитии несколько отчетливых фаз или этапов, что еще раз подтверждает, что они задумывались и контролировались извне, а не были стихийными событиями. Главный идеолог ненасильственной смены власти Шарп писал: «Ненасильственная борьба является сложным инструментом социальных действий, включающим множество методов, ряд механизмов изменений, а также имеющим конкретные требования к поведению. Для того чтобы стать эффективным, в особенности против диктатуры, политическое неповиновение требует тщательно планирования и подготовки. Будущие участники должны понимать, что от них требуется. Необходимо найти нужные ресурсы. Стратегам необходимо заранее проанализировать, каким образом наиболее эффективно применить ненасильственную борьбу». По его мнению, очень важно «определить наиболее эффективные способы свержения диктатуры, определить момент, когда политическая ситуация и настроение народа благоприятны, и выбрать метод начала кампании»³¹.

²⁹ См.: Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Указ. соч. С. 416.

³⁰ См.: Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Угрозы и безопасность. 2014. № 19 (256). С. 50.

³¹ Шарп Д. От диктатуры к демократии. С. 53, 55.

Все этапы «революционной» борьбы прошли в предельно сжатом, ускоренном режиме с использованием новых возможностей постиндустриального и информационного общества, включая преимущества сетевых структур, манипуляцию общественным сознанием посредством мировых СМИ, Интернет-ресурсов и т.п. По сути, и в Сербии, и в Грузии, и на Украине, и в Киргизии, и в Тунисе, и в Египте «революция» состоялась в течение одного, максимум двух месяцев. Характерно, что все «цветные революции», за исключением событий «арабской весны», произошли после выборов, и решающую роль в начале «революционного» процесса сыграло голосование в столицах этих государств, то есть голосование активной части населения Белграда, Тбилиси, Киева и Бишкека. Большую роль в этом сыграли как раз созданные незадолго до этого молодежные организации. В ходе «арабской весны», ввиду фактического отсутствия института демократических выборов, к классической схеме реализации «цветной революции» были добавлены механизмы «управляемого хаоса». Этот деструктивный механизм позволял применять демократические схемы и шаблоны, разработанные изначально для общества западного типа, в условиях традиционных восточных обществ, в своем исходном виде невосприимчивых к пропаганде демократических и либеральных ценностей. Это достигалось путем «атомизации» общества, разрыва связей между отдельными личностями и общиной, внедрения в сознание граждан суррогатного индивидуализма западного типа³². Экспрессивный и молниеносный характер — ключевая особенность «цветных революций». Исследователи обычно выделяют пять-шесть этапов этих «революций»³³.

В ходе первой, подготовительной фазы организаторы и технологи «цветных революций» определяли расстановку сил, классифицируя союзников и противников будущей «революции». Тщательно анализировались социально-экономическая и политическая ситуация в стране, выявлялись слабые места правящего режима. Особое внимание уделялось уровню доверия населения к политическим и социальным институтам действовавшей власти, степени популярности первых лиц государства, показателям конфликтного потенциала общества, уровню социальной и политической активности населения, степени доверия к правительственным СМИ и т.д. Опре-

³² См.: Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Указ. соч. С. 422.

³³ См., напр.: Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах / под. общ. ред. С.Н. Гриняева. М.: АНО ЦСОИП, 2015.; Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Указ. соч.; Гапич А.Э., Лушников Д.А. Технологии цветных революций. М.: РИОР, 2014.

делялась характеристика нерешенных проблем, потребностей, ожиданий и страхов, волнующих большую часть общества; оценивались сильные и слабые стороны существовавшей власти и ее институтов. В ходе этой работы также выявлялись активные и потенциальные лидеры общественных движений и организаций, диаспор, этнических меньшинств, способные стать вожаками будущей «революции». Одновременно происходила апробация на фокус-группах протестных слоганов, лозунгов, макетов плакатов, всевозможной атрибутики и т.д. Происходило формирование в стране организованного протестного движения — основной движущей силы будущей «революции». Причем главным критерием при отборе целевой аудитории являлось отношение к целям, ценностям, эталонным понятиям и требованиям внешней управляющей силы. Рекрутирование активистов происходило в молодежной среде, чрезвычайно подвижной и легко увлекаемой различными яркими призывами и лозунгами, и по сетевому признаку. Одновременно созданная оппозиция при поддержке западных СМИ и НПО начинала постоянное информационное воздействие на население страны с целью дискредитации правящего режима.

Во время второго этапа происходило распределение сил уже внутри движущих сил «революции». Организаторам переворота было важно заранее выделить тех «революционеров», которые в дальнейшем должны будут придти к власти, и сформировать вокруг них необходимые силы. В это же время определялись те, кому было суждено в будущем сойти с политической арены. Огромная роль в этот момент отводилась работе с персоналиями — именно в этот момент на авансцене общественно-политической жизни появлялись новые политические движения и лидеры. По мнению западных специалистов по ненасильственной смене власти, в этом процессе внимание должно уделяться таким качествам, как умение подавать пример, знание людей, их специфических проблем, а также противника, лояльность организации «сопротивления», способность нести ответственность, поддерживать успех других участников, учиться на ошибках, развивать полезные навыки подчиненных и т.д.³⁴

Начало третьей фазы подготовки к «революции» было ознаменовано дестабилизацией внутривнутриполитической обстановки. Зачастую это было связано с прошедшими или приближавшимися президентскими или парламентскими выборами. Происходило резкое нагнетание противоречий в обществе, провоцирование противоборствующих сторон на применение насилия,

перевод ситуации к необратимому конфликту. В это же время на улицы выводилась заранее подготовленная оппозиция. Как правило, протестные выступления начинались с организации локального протестного акта с небольшим количеством участников, причем тема протеста и лозунги не имели особого значения. Это могло быть несогласие со снижением жизненного уровня (как в Тунисе и Египте в 2010–2011 гг.), протест против фальсификации выборов (Сербия, Грузия, Украина, Киргизия в 2000–2005 гг.) или требование следовать курсом на евроинтеграцию (Украина в 2014 г.). Созданная заранее сеть выходила на улицы крупных городов одновременно и по условному сигналу — обычно резонансному инциденту. Таким инцидентом могло стать любое событие, шокирующее общество и получившее мощный общественный резонанс. Ярчайшим примером стало самосожжение тунисского торговца фруктами М. Буазизи в одном из провинциальных городов страны. Быстро набиравшая численность и силу толпа выходила на улицы и начинала бессрочный митинг, требуя отставки руководителей правящего режима, после чего в ход шли выбранные из широкого списка в 198 наименований методы ненасильственного сопротивления Шарпа. Одновременно лояльные оппозиции СМИ создавали иллюзию массовости протеста и исключительной серьезности требований, а их зарубежные коллеги обеспечивали «правильную» картину и широкую информированность о протестах для международной общественности и самих жителей государств. После того как накал оппозиционной борьбы достигал определенной критической точки, на сцене появлялись специально подготовленные лидеры с политическими требованиями, целью которых является перевод ситуации на новый, политический уровень, а также втягивание широких масс в политическое противостояние с властями.

Четвертую фазу знаменовал апогей «революции»: массовые протестные выступления и акции гражданского неповиновения достигали максимального размаха, а ядро оппозиции активно готовилось к перехвату власти у правящего режима. Как правило, в этот момент появлялись первые жертвы, что способствовало увеличению массы протестующих и радикализации антиправительственных требований. Начинались первые серьезные стычки с органами правопорядка, деятельность оппозиции выходила из правового поля. Включались механизмы конфликтной мобилизации, важнейшим элементом которых становились социальные сети. Все это способствовало формированию политической толпы на одной из крупнейших площадей страны. Происходило полное эмоциональное слияние отдельных личностей с толпой, в которой для идентификации «свой — чужой» использовалась яркая

³⁴ См.: Helvey R.L. Op. cit. P. 107–115.

«революционная» символика. Для поддержания устойчивого существования и функционирования такого лагеря создавались все материальные условия. Характерной чертой и обязательным условием деятельности подобных городков выступала слаженность и четкая внутренняя организация, высокая дисциплина, а также определенная иерархия участников. Затем от имени толпы и при поддержке западных информационных и политических ресурсов к власти выдвигались ультимативные требования уйти в отставку.

В ходе «цветных революций» правившие режимы не смогли выдержать такого морального давления и были сметены «революционной» толпой. Если же власть принимала вызов и выражала готовность сопротивляться, технологи «цветных революций» пускали в ход новые инструменты, связанные уже с «жесткой силой»; в результате «революция» перерастала в вооруженный мятеж и гражданскую войну, как это произошло в Ливии и Сирии в 2011 г.

На заключительном этапе «революционеры» брали власть в свои руки. Кульминацией «цветной революции» и символом ее победы обычно становился захват зданий, олицетворявших прежний режим, — президентской администрации, парламента, радио, телевидения и т.д. В этот момент происходило разложение реальной власти, разрушение государственной и политической системы управления. Новая власть получала легитимность, одновременно легализуя своих внешних покровителей. Старый режим ликвидировался, и победившие «революционеры» приступали к построению собственной вертикали власти и системы государственного управления, начинали формировать новый внешнеполитический вектор. В свою очередь, Запад объявлял о «победе демократии» и обеспечивал информационную поддержку нового режима, превращая собственную «мягкую силу» в источник его легитимности.

***

Если остановиться более подробно на технологиях «цветных революций», то в первую очередь следует сказать об их ненасильственном характере. Классическая модель «цветной революции» является именно ненасильственной. Шарп писал, что «ненасильственная борьба намного более сложное и разнообразное средство борьбы, чем насилие. Вместо насилия борьба ведется психологическим, социальным, экономическим и политическим оружием, применяемым населением и общественными институтами. Такое оружие хорошо известно — это протест, забастовка, отказ в сотрудничестве, бойкот, выражение недовольства и народное самоуправление»³⁵.

Важнейшим элементом в этой борьбе было привлечение на свою сторону сторонников правящего режима, игравших ключевую роль в государственном управлении и обеспечении безопасности стран. «В процессе планирования и реализации политического неповиновения и отказа от сотрудничества, — писал Шарп, — весьма важно обращать пристальное внимание на всех основных сторонников и советников диктатора, включая его внутреннюю клику, политическую партию, полицию и чинуш и в особенности его армию. Необходимо тщательно оценить степень лояльности вооруженных сил — как солдат, так и офицеров, — диктатору, сделав вывод о возможности влияния демократических сил на военщину <...> В самом начале освободительной борьбы необходимо разработать отдельную стратегию общения с войсками и чиновниками диктатуры. Демократические силы могут с помощью слов, символов и действий убедить войска в том, что освободительная борьба будет энергичной, решительной и упорной. Армия должна понять, что борьба будет носить особый характер, она направлена на подрыв диктатуры и не представляет угрозы для их жизни. Такого рода усилия будут направлены в конечном счете на моральное разложение армии диктатуры и на переподчинение ее демократическому движению. Аналогичные стратегии могут применяться в отношении полиции и государственных служащих <...> Руководители демократического движения обязаны считать стратегию подрыва лояльности силовых структур диктаторов исключительно приоритетной»³⁶.

Претендовавшая на власть оппозиция, почти буквально следуя инструкциям идеолога ненасильственной смены власти, сознательно и принципиально придерживалась мирной тактики. Шарп отмечал: «Каковы бы ни были достоинства насильственных методов, ясно одно: полагаясь на средства насилия, такие люди выбирают тип борьбы, при котором угнетатели почти всегда имеют преимущество <...> Вооруженное сопротивление диктатуре бьет не по самому слабому месту, а наоборот, по наиболее сильному. Избрав соперничество в области вооруженных сил, снабжения боеприпасами, технологии изготовления оружия и т.д., движение сопротивления ставит себя в весьма невыгодное положение»³⁷.

Именно поэтому приоритет отдавался ненасильственным методам борьбы. Наиболее известным эпизодом почти всех «революций» (собственно, почему они и называются «цветными») стала демонстрация ненасильственного характера в виде дарения цветов силовикам,

³⁶ Там же. С. 82–84.

³⁷ Там же. С. 15, 41.

³⁵ Шарп Д. От диктатуры к демократии. С. 42–43.

стоявших в оцеплении на митингах оппозиции. Благодаря такой тактике протестующих авторитарные лидеры опасались использовать армию или службы безопасности, чтобы подавить протест, лишая тем самым себя важнейшего (и, заметим, вполне легального) рычага давления на протестующих.

Надо отметить и то, что различные общественные организации и СМИ, финансируемые Западом, активно способствовали внедрению идеи «о недопустимости насилия» со стороны правоохранительных органов и силовых структур по отношению к безоружным демонстрантам или митингующим, чем фактически лишали действующую власть рычагов влияния на складывающуюся ситуацию. На этом же настаивало и «прогрессивное» мировое сообщество, представленное в основном политической элитой США и их союзников.

Немаловажной составляющей «цветных революций» стала кампания неповиновения власти, которая заключалась в организации массированного давления на органы исполнительной власти на различных ее уровнях. Шарп указывал, что «студенты могут организовать забастовки по вопросам образования, религиозные лидеры и верующие могут сосредоточиться на проблеме свободы вероисповедания, работники железных дорог могут настолько методично соблюдать правила безопасности, что это замедлит работу железнодорожной системы, журналисты могут бросить вызов цензуре, публикуя газеты с пустыми полосами на месте запрещенных статей, полиция может постоянно терпеть неудачи в нахождении и аресте находящихся в розыске членов демократической оппозиции»³⁸. Формы такого давления действительно были очень разнообразны: митинги и забастовки всех видов, голодовки, представление поддельных документов, блокирование информационных линий и транспортных коммуникаций, снятие указателей госучреждений, бойкот выборов, отказ от уплаты налогов, отказ от должности и работы с правительством и даже демонстративный отказ от выполнения супружеских обязанностей. Но и на более высоком, политическом, уровне также предпринимались весьма эффективные меры, когда различные местные органы власти, поддерживавшие оппозицию (или оппозицией захваченные), отказывались признавать легитимность правящего режима.

С кампанией неповиновения была тесно связана тактика парализации работы государственных органов, что вылилось в пикетирование и блокирование митингующими зданий исполнительной, законодательной и судебной власти. В итоге вопросы о форме общения с

оппозицией для государственных служащих стали более важными, чем выполнение основных задач государства. Убеждение властей в «недемократичности» применения мер принуждения ради сохранения элементарного порядка и безопасности фактически привело к добровольному отказу государства от права и обязанности на легитимное насилие. Важным элементом стало использование фактора переговоров, целью которых стало, с одной стороны, создание видимости готовности лидеров демонстрантов пойти на компромисс и диалог с властью, а с другой — и это главное — выигрывалось время, необходимое для продолжения дестабилизирующих действий.

Практически беспроигрышной тактикой оппозиционеров стало провоцирование силовых структур на насилие. Провозглашая мирный характер манифестаций и наращивая одновременно с этим «мягкое давление» на власть, «революционеры» провоцировали органы правопорядка на применение силы и пытались воспользоваться любым предложением для выдвигания обвинений в «непропорциональном насилии» режима над собственным народом. По сути, речь шла о спланированных и хорошо организованных провокациях против правоохранительных органов с целью применения ими против активистов, в первую очередь из молодежных оппозиционных движений, силовых приемов, которые средствами дружественной прессы моментально получали широкий резонанс как неопровержимое доказательство преступных действий властей. При этом, несмотря на настойчивое подчеркивание их «ненасильственного характера», в реальности все обстояло гораздо сложнее, потому что такие приемы, как «захват земель ненасильственными методами», «снятие одежды догола в знак протеста», «грубые жесты», «насмешки над должностными лицами», «демонстративные похороны», «политический траур», «насмешки над выборами», «ненасильственное преследование», не говоря уже о «возведении баррикад» и «уничтожении частной собственности», вряд ли можно считать инструментами ненасильственного и мирного протеста³⁹.

Еще одна черта «цветных революций» — создание территориального анклава и ненасильственная оккупация территории. Она подразумевала формирование области внутри страны, где местные власти и/или влиятельные слои населения обеспечивали оппозиционным лидерам безусловную поддержку. В дальнейшем она становилась плацдармом для

³⁸ Там же. С. 80.

³⁹ См.: Аршев А. Грузия: от «революции роз» до августа 2008 г. и поддержки терроризма на Северном Кавказе // Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период: сб. ст. / под общ. ред. В. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2014. С. 117.

объявления и расширения власти протестного движения. Это могла быть как центральная площадь в центре столицы, (например, майдан Незалежности в Киеве или площадь Тахрир в Каире), так и отдельные регионы страны, или и то, и другое. Это место становилось эпицентром «революции», куда стекались подстрекаемые оппозицией граждане, создавая массовую политическую толпу.

Большое значение в ходе «цветных революций» оппозиционерами уделялось созданию благоприятного информационного поля. Оппозиционные СМИ (чаще всего финансируемые из-за рубежа) старались предстать в образе независимых и беспристрастных участников событий, при этом методично критикуя изъяны правящего режима. С другой стороны, различные оппозиционные шествия, флэш-мобы, «кольца», разного рода акции постоянно транслировались на оппозиционных каналах телевидения или на Интернет-ресурсах. Исключительно важной в этой связи стала работа с неправительственными аналитическими центрами и центрами социальных исследований, способствовавшая достижению необходимого информационного эффекта. Одновременно происходила глубокая проработка методологической базы протестного движения, уделялось большое внимание вопросам подготовки к массовым выступлениям. Стимулировался рост недоверия к государственной власти и выборной системе. Информация такого рода сопровождалась заявлениями заинтересованных лиц либо неправительственных организаций, имевших определенный авторитет.

Через СМИ и Интернет население, преимущественно молодое, воспринимало продукты «мягкой силы» Запада, рекламировавшие идеалы западного образа жизни, которые противопоставлялись атмосфере отсталости, нищеты, коррупции, бесперспективности и диктатуры в их собственных странах. В событиях «арабской весны» и Евромайдана особую роль сыграли новые информационные технологии — социальные сети Facebook, Twitter и другие. Именно они не только пропагандировали западные ценности, но и провоцировали и синхронизировали массовые антиправительственные выступления, выступая в качестве «спускового крючка» протестной активности, особенно после попыток блокирования связи или значительного ограничения трафика.

Одним из самых эффективных приемов «цветных революций» стало использование технологии «политического спектакля», то есть создания обстановки максимально «грязных» выборов с целью вызвать всеобщее ощущение их фальсификации или несправедливости, что вело к делегитимизации выборов (в более ши-

роком смысле речь шла о делегитимизации режима в целом). Причем подготовка к этому начиналась задолго до самих выборов. После же достижения некоторой критической величины «фальсификаций» на самих выборах, которую могла спровоцировать любая из сторон, исход голосования уже не поддавался надежному выяснению, и разрешение возникшего конфликта выносилось на улицу. Оппозиция, как правило, апеллировала к данным экзит-полов, проводившихся близкими к ней социологическими службами в день выборов. Разумеется, их результаты однозначно говорили о победе оппозиционного лидера, что совершенно не совпадало с данными официальных избирательных комиссий. В практическом плане это лишало любого из избранных кандидатов легитимности, а сама функция легитимизации возлагалась на какую-либо стороннюю инстанцию, иначе говоря, превращалась в вопрос внешнего признания результатов выборов. Одной из форм продолжения подобной деятельности, как показала практика, могло стать непризнание итогов голосования с активизацией выступлений оппозиции, увеличением числа митингующих, а также одновременным объявлением того, какой результат выборов будет признан законным.

В этой связи надо отметить и такой важный механизм «цветных революций», как воздействие на чувства и эмоции. Он основывался на известном в психологии принципе ценностно-символического противопоставления («мы и они») и заключался в переносе политического смысла на чисто моральные категории, близкие и понятные обычному человеку, — справедливость, свобода, верность, борьба добра со злом, вера в светлое будущее. Придание «революционной» патетике героико-романтического и патриотического ореола способствовало эффекту «эпидемии чувств», что приводило в итоге к многократному увеличению числа сторонников движения. Как не дико это звучит, но порой сам факт пролития крови и гибели людей, особенно невинных, обладал исключительно сильным эффектом воздействия на сознание, воображение и чувства не только сторонников «революционного движения», но и увеличивающегося числа сочувствующих. Большую роль здесь играла технология формирования в массовом сознании уверенности в «неминуемой победе» и мысли о том, «народ победить нельзя»⁴⁰. В ряде «цветных революций» особый акцент был сделан на разжигании агрессивной этничности. Оно имело целью сплочение наиболее радикальных социальных групп на основе этнической или национальной принадлежности, а также придание им статуса «локомотива» революционного

⁴⁰ Иррегулярные конфликты: «цветные революции». С. 208.

движения. В Грузии и Украине, например, отличительной особенностью подобных движений была их антироссийская направленность. При этом ядром актива для уличных акций подчас становились именно националисты, а в руководстве оппозиции тон, как правило, задавали либеральные политики, также не чуждающиеся национализма.

Формирование символа протестного движения также имело важное психологическое значение, одновременно выступая средством общения и идентификации единомышленников. Для быстрого и максимально широкого охвата населения в технологиях «цветных революций» активно использовались демонстрации элементарного цветового или графического знака. Так, сжатый белый кулак в круге на черном фоне был замечен в символике почти всех «революций». Большое значение имело также задействование фактора цвета, который являлся принципиальным рычагом мобилизации протестного движения. Например, оранжевый цвет сыграл колоссальную роль в победе украинской «революции». Вообще, проработка геральдической составляющей была выполнена на достаточно высоком уровне. В разрабатываемых логотипах большое внимание уделялось историческому и политическому контексту, подчеркивались национальные либо наднациональные символы. Не вызывает сомнения, что над выбором цветов и символов оппозиции активно работали психологи и другие специалисты по нейропрограммированию. Р. Хелви отмечал, что ношение похожей одежды и символов — психологические опоры, которые обеспечивают зрительную ассоциацию с другими, кто разделяет те же ценности и убеждения⁴¹.

Зачастую человек, возглавлявший «цветную революцию», сам становился ее символом. Причем отнюдь не случайно во главе всех «цветных революций» оказались некогда высокопоставленные чиновники, попавшие в опалу и перешедшие в оппозицию к действующей власти. «Цветные революции» часто организовывались не контрэлитой, а частью старой элиты, которая в предыдущие периоды была у власти, потом была отправлена в отставку, затем перешла в оппозицию и подняла идеологические лозунги. У этой оппозиции в лице бывших министров были союзники в числе министров нынешних, которые в решающий момент переходили на сторону оппозиции. М. Саакашвили в Грузии, В. Ющенко в Украине, К. Бакиев в Киргизии не являлись уличными политиками «из низов». Напротив, на момент «революций» они были узнаваемыми персонами, имели поддержку со стороны западного истеблишмента и обще-

ственного мнения, сохраняли прочные связи с политическим классом страны, что давало дополнительные возможности для раскола правящей элиты. Среди лидеров «революции» часто оказывалась харизматичная женщина — Н. Бурджанадзе в Грузии, Ю. Тимошенко в Украине, Р. Отунбаева в Киргизии.

Важной технологией «цветных революций» являлось закрепление стереотипов, то есть внедрение в массовое сознание нескольких простых образов. Вся информационная и пропагандистская деятельность лидеров оппозиции сводилась к обличению противника по принципу «враги против наших». Самый яркий пример из недавних событий — пресловутый перформанс «Кто не скачет, тот москаль!», практиковавшийся в ходе Евромайдана. Но главной мишенью, конечно, становились «диктаторы» — лидеры государств, свержением которых занимались «революционеры». Особое значение придавалось обличению их человеческих и «общедемократических» пороков: «попирает свободу», «поощряет несправедливость», «лжет народу», «служит вражеским силам» и т.д. Большая роль отводилось и разработке лозунгов, направленность которых была проста, лаконична и понятна, например: «Он готов» (о президенте Югославии С. Милошевиче), «Грузия без Шеварднадзе!», «Украина без Кучмы!», «Киргизия без Акаева!», «Последний фараон» (о президенте Египта Х. Мубараке), «Зека на нары» (о президенте Украины В. Януковиче). Вместе с тем подробному и скрупулезному изложению собственной программы социально-экономических и политических преобразований в случае прихода к власти «революционеры» уделяли значительно меньше внимания. Уклоняясь от изложения конкретной позиции, оппозиционные политики использовали туманные фразы и метафоры, сознательно или неосознанно подменяли цель планируемых «революционных» преобразований абстрактным политическим мифом. Для Грузии и Украины, например, одним из таких основополагающих мифов стало скорейшее вхождение стран в евроатлантические структуры — НАТО и ЕС.

Общим и едва ли ни важнейшим правилом для всех «цветных революций» была та уникальная роль, которую в ней сыграло молодежное и студенческое движение. Еще Р. Хелви рекомендовал вовлекать в «сопротивление» все силы гражданского общества, так как, по его мнению, почти любые организации «содержат источники силы и обеспечивают структуры для коллективных действий»⁴². Но именно массовое участие студентов создавало вокруг происходивших событий ореол «подлинной революционности», выда-

⁴¹ См.: Helvey R.L. Op. cit. P. 104.

⁴² Ibid. P. 18.

вая студенческое движение за общенародное. В ряды оппозиции молодежь активно завлекалась инструментами «мягкой силы», в первую очередь посредством поп-культуры. Так, в Югославии был организован концертный тур известных рок-групп под лозунгом «Время пришло!». Этот тур начался за несколько недель до дня выборов 24.09.2000 г., и в его рамках в разных городах Сербии было проведено почти 30 концертов. Финальный концерт состоялся в Белграде за 3 дня до выборов и собрал 20 тыс. человек. В Украине в 2004 г. рок-концерт на майдане Незалежности шел непрерывно в течение 2 недель. «Песни Майдана» в основном носили политический характер; так, гимнами «революции» фактически стали две песни — «Оранжевое небо» и «Разом нас багато!» («Вместе нас много!»). Одним из успешных инструментов политической рекламы в ходе «цветных революций» стала мультипликация, дополненная компьютерными играми. В полную силу эта технология была отработана на Украине. В ходе Евромайдана в Интернете и на компакт-дисках активно распространялись мультфильмы политического содержания, в первую очередь направленные против премьера Януковича⁴³.

Ключевую роль в ходе «революции» играли сформированные незадолго до начала событий оппозиционные молодежные структуры — «Отпор» в Сербии, «Кмара» в Грузии, «Пора» в Украине, «Кел-Кел» и «Бирге» в Киргизии, «Кифайя» и «6 апреля» в Египте — «полевые отряды революции», помогавшие проводить мобилизацию и решать столь необходимые «революционерам» логистические задачи, особенно на начальном этапе протестов. Кстати, именно упомянутый выше Р. Хелви являлся одним из наставников этих движений, особенно «Отпора». Под его руководством члены организации проходили специальные семинары и тренинги по тактике ненасильственной борьбы с режимом Милошевича. Финансирование же таких организаций обеспечивали известные международные неправительственные организации и американские фонды.

Важно отметить, что реализация указанных выше технологий не могла быть успешной без всесторонней поддержки извне. Успех «цветных революций» был обеспечен именно благодаря эффективному использованию ресурсов и инструментов «мягкой силы» США и их европейских союзников. Интересно, что главный теоретик ненасильственных «революций» Шарп скептически относился к внешнему вмешательству. «Такой сценарий может показаться удобным, — писал Шарп, — но надежда на

спасителя извне создает серьезные проблемы. Такая надежда может оказаться совершенно напрасной. Как правило, иностранный спаситель не появляется, а если иностранное государство и осуществляет вмешательство, ему обычно не следует доверять <...> Некоторые иностранные государства будут предпринимать действия против диктатуры лишь для того, чтобы добиться собственного экономического, политического или военного контроля над страной». По мнению Шарпа, «основные силы борьбы должны действовать в самой стране. Степень и само наличие международной помощи только стимулируется внутренней борьбой. В качестве скромного дополнения можно приложить усилия к созданию негативного по отношению к диктатуре мирового общественного мнения на гуманитарных, этических и религиозных основаниях. Усилия могут быть направлены на принятие правительственными и международными организациями дипломатических, политических и экономических санкций против диктатуры. Более того, самим демократическим силам может быть предоставлена международная помощь в виде финансовой поддержки и обеспечения средствами связи»⁴⁴.

Однако в случае с «цветными революциями» их американские и европейские архитекторы пошли гораздо дальше. Запад оказывал мощное и многомерное воздействие на ход этих «революций». В первую очередь надо сказать о политтехнологической и финансовой поддержке оппозиции. Именно западные политтехнологи разрабатывали сценарий проведения «цветной революции» в отдельно взятой стране, именно они искусственно создавали оппозицию, «независимые» СМИ и неправительственные организации, молодежные антиправительственные движения, выбирали кандидата на роль будущего лидера, обучали активистов протестным технологиям и многое, многое другое.

Наконец, именно Запад выделял финансирование, без которого проведение подобной «революции» и осуществление смены режима было бы просто невозможно. Внешние финансовые вливания шли по каналам спецслужб, дипломатических миссий и неправительственных организаций. При подготовке свержения как режима С. Милошевича в Сербии в 2000 г., так В. Януковича на Украине в 2014 г. основным каналом поставки внешних денег для оппозиции являлся дипломатический канал — дипломатическая почта и багаж иностранных дипломатов. Помимо этого широко использовались возможности финансирования представителей оппозиции на территории других государств. Дан-

⁴³ См.: Иррегулярные конфликты: «цветные революции». С. 223.

⁴⁴ Шарп Д. От диктатуры к демократии. С. 17–18, 67.

ное финансирование осуществлялось во время встреч с представителями оппозиции, обучающих семинаров и тренингов, организованных западными НПО на территории сопредельных стран. Легальным источником финансирования оппозиции стали гранты, предоставляемые зарубежными грантодателями местным неправительственным организациям, культурно-просветительским, этническим и конфессиональным сообществам.

Западом был организован тотальный контроль за проведением предвыборной кампании, самими выборами и процедурой подсчета голосов. Заранее происходило навязывание собственных интерпретаций легальности и легитимности выборов. Посылались наблюдатели, представители западных СМИ, организовывались «независимые» экзит-полы и т.п. Очень важным было информационно-политическое давление из-за рубежа — многочисленные заявления лидеров западных стран, высокопоставленных чиновников Европейского союза и других международных организаций о необходимости контроля над обеспечением свободного и демократического прохождения повторных парламентских выборов, недопустимости применения насилия и т.д.

На политическую элиту стран, где разворачивались «цветные революции», оказывалось беспрецедентное давление на всех уровнях. Представители иностранных государств, международных организаций и НПО регулярно встречались с руководителями государств, осуществляя своеобразное нагнетание «давления присутствием». Шла активная обработка и общества, в результате чего у граждан возникало ощущение собственной значимости во мнении международного сообщества. Внедрялись и тиражировались идеи и представления о неизбежной последующей поддержке со стороны западного сообщества после того, как обществом страны-жертвы технологий геополитической инженерии будет сделан «правильный выбор».

В заключение следует отметить одну характерную для всех «цветных революций» тенденцию. Сейчас очевидно, что их организаторы и деятели не ставили своей целью слом старого коррупционного режима ради построения на его месте новой демократической системы и государства «всеобщего благоденствия». Целью оппозиции была всего лишь смена политической элиты, перераспределение властных рычагов и денежных потоков в свою пользу. Использовал народное недовольство и зарубежные технологии «мягкой силы» для завоевания власти, «цвет-

ные» лидеры, по сути, ничего не дали своим народам, а спустя несколько лет почти все из них канули в политическое небытие.

Список литературы:

1. Астахов Е.М. Субъективные заметки о некоторых аспектах «мягкой силы» // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 45–53.
2. Будаев А.В. «Мягкая сила» во внешней политике России: истоки, особенности, перспективы // Государственное управление. 2015. Вып. 48. С. 189–205.
3. Волочаева О.Ф. «Ненасильственное» изменение политических режимов как феномен информационного общества // Теория и практика общественного развития. 2015. № 3. С. 83–86.
4. Давыдов Ю.И. Понятие «жесткой» и «мягкой» силы в теории международных отношений // Международные процессы. 2004. Т. 2. № 4. С. 69–80.
5. Демидов А.В. От «мягкой силы» к «управляемому хаосу» // Геополитический журнал. 2014. № 4. С. 86–93.
6. Ермаков Ю.А. «Мягкая сила» социально-политических манипуляций человеком // Известия Уральского федерального университета. Сер. 1: Проблемы образования, науки и культуры. 2013. Т. 119. № 4. С. 215–225.
7. Звягина Д.А. «Мягкая сила»: структурный анализ // Инициативы XXI века. 2012. № 3. С. 135–137.
8. Иррегулярные конфликты: «цветные революции». Анализ и оценка форм, приемов и способов ведения операций по смене режимов в суверенных государствах / под. общ. ред. С.Н. Гриняева. М.: АНО ЦСОиП, 2015. 236 с.
9. Леонова О.Г. Интерпретация понятия «мягкая сила» в науке // Обозреватель–Observer. 2014. № 3. С. 80–89.
10. Най Д. Будущее власти. М.: АСТ, 2014. 335 с.
11. Панова Е.П. Сила привлекательности: использование «мягкой силы» в мировой политике // Вестник МГИМО(У). 2010. № 4. С. 91–97.
12. Паршин П.Б. Два понимания «мягкой силы»: предпосылки, корреляты и следствия // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 14–20.
13. Понкин И.В. Технологии «мягкой силы» как средство дисфункционализации и разрушения государства // Право и образование. 2014. № 12. С. 95–111.
14. Радиков И., Лексютина Я. «Мягкая сила» как современный атрибут великой державы // Мировая экономика и международные отношения. 2012. № 2. С. 19–26.
15. Русакова О.Ф. Концепт «мягкой силы» (soft power) в современной политической философии // Научный ежегодник института философии и права Уральского отделения РАН. 2010. № 10. С. 173–192.
16. Убийство демократии: операции ЦРУ и Пентагона в постсоветский период: сб. ст. / под общ. ред. В. Крашенинниковой. М.: Кучково поле, 2014. 480 с.
17. Филимонов Г.Ю., Карпович О.Г., Манойло А.В. Технологии «мягкой» силы на вооружении США: ответ России. М.: РУДН, 2015. 584 с.
18. Харкевич М.В. «Мягкая сила»: политическое использование научной концепции // Вестник МГИМО(У). 2014. № 2. С. 22–29.
19. Шульц Э.Э. Технологии бунта: «цветные революции» и «арабская весна» // Угрозы и безопасность. 2014. № 19 (256). С. 46–54.
20. Hale H.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // Communist and Post-Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. P. 305–329.
21. Helvey R.L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. Boston, 2004.
22. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 8. P. 153–168.

Soft power and coloured revolutions

Naoumov A.O.,

PhD in Law, Associate professor
of the Moscow State University

E-mail: anaoumov@mail.ru

Abstract. *In recent years one of the most actual issues among Russian scientists and politicians was the topic of the Coloured Revolutions. The questions of transformation of political regimes in Serbia, Georgia, Ukraine, Kirgizstan, Egypt and Tunisia during 2000–2014 years are revealed in the article. The article provides an overview of the Western technologies of soft power and non-violent struggle using in the Coloured Revolutions. The author argues that «revolutionists» were unable to provide the formation of stable democratic regimes and the consequences of these events, internal and external, have not approved the aspirations of the people of these countries.*

Keywords: *Soft Power, Colored Revolutions, Non-violent Struggle, World Politics, International Relations, Serbia, Georgia, Ukraine, Kirgizstan, Egypt, Tunisia, USA.*

References:

1. Astahov E.M. Subektivnye zametki o nekotorykh aspektakh «mjagkoj sily» // Vestnik MGIMO(U). 2014. № 2. S. 45–53.
2. Budaev A.V. «Mjagkaja sila» vo vneshnej politike Rossii: istoki, osobennosti, perspektivy // Gosudarstvennoe upravlenie. 2015. Vyp. 48. S. 189–205.
3. Volochaeva O.F. «Nenasil'stvennoe» izmenenie politicheskikh rezhimov kak fenomen informacionnogo obshhestva // Teorija i praktika obshhestvennogo razvitiya. 2015. № 3. S. 83–86.
4. Davydov Ju.I. Ponjatije «zhestkoj» i «mjagkoj» sily v teorii mezhdunarodnyh otnoshenij // Mezhdunarodnye processy. 2004. T. 2. № 4. S. 69–80.
5. Demidov A.V. Ot «mjagkoj sily» k «upravljaemomu haosu» // Geopoliticheskij zhurnal. 2014. № 4. S. 86–93.
6. Ermakov Ju.A. «Mjagkaja sila» social'no-politicheskikh manipulacij chelovekom // Izvestija Ural'skogo federal'nogo universiteta. Ser. I: Problemy obrazovanija, nauki i kul'tury. 2013. T. 119. № 4. S. 215–225.
7. Zvjagina D.A. «Mjagkaja sila»: strukturnyj analiz // Inicijaty XXI veka. 2012. № 3. S. 135–137.
8. Irreguljarnye konflikty: «cvetnye revoljucii». Analiz i ocenka form, priemov i sposobov vedenija operacij po smene rezhimov v suverennyh gosudarstvah / pod. obshh. red. S.N. Grinjaeva. M.: ANO CSOiP, 2015. 236 s.
9. Leonova O.G. Interpretacija ponjatija «mjagkaja sila» v nauke // Obozrevatel'–Observer. 2014. № 3. S. 80–89.
10. Naj D. Budushhee vlasti. M.: AST, 2014. 335 s.
11. Panova E.P. Sila privlekatel'nosti: ispol'zovanie «mjagkoj sily» v mirovoj politike // Vestnik MGIMO(U). 2010. № 4. S. 91–97.
12. Parshin P.B. Dva ponimaniya «mjagkoj sily»: predposylki, korrelyaty i sledstviya // Vestnik MGIMO(U). 2014. № 2. S. 14–20.
13. Ponkin I.V. Tehnologii «mjagkoj sily» kak sredstvo disfunkcionalizacii i razrusheniya gosudarstva // Pravo i obrazovanie. 2014. № 12. S. 95–111.
14. Radikov I., Leksjutina Ja. «Mjagkaja sila» kak sovremennij atribut velikoj derzhavy // Mirovaja jekonomika i mezhdunarodnye otnosheniya. 2012. № 2. S. 19–26.
15. Ruskova O.F. Koncept «mjagkoj sily» (soft power) v sovremennoj politicheskoy filosofii // Nauchnyj ezhegodnik instituta filosofii i prava Ural'skogo otdelenija RAN. 2010. № 10. S. 173–192.
16. Ubijstvo demokratii: operacii CRU i Pentagona v postsovet'skij period: sb. st. / pod obshh. red. V. Krashennnikovoj. M.: Kuchkovo pole, 2014. 480 s.
17. Filimonov G.Ju., Karpovich O.G., Manojlo A.V. Tehnologii «mjagkoj» sily na vooruzhenii SShA: otvet Rossii. M.: RUDN, 2015. 584 s.
18. Harkevich M.V. «Mjagkaja sila»: politicheskoe ispol'zovanie nauchnoj koncepcii // Vestnik MGIMO(U). 2014. № 2. S. 22–29.
19. Shul'c Je.Je. Tehnologii bunta: «cvetnye revoljucii» i «arabskaja vesna» // Ugrozy i bezopasnost'. 2014. № 19 (256). S. 46–54.
20. Hale N.E. Democracy or autocracy on the march? The colored revolutions as normal dynamics of patronal presidentialism // Communist and Post- Communist Studies. 2006. Vol. 39. № 3. P. 305–329.
21. Helvey R.L. On Strategic Nonviolent Conflict: Thinking About the Fundamentals. Boston, 2004.
22. Nye J.S. Soft Power // Foreign Policy. 1990. № 8. P. 153–168.